

таких, как и он простых людей» не может быть ни в чем обвинен. Он абсолютно бескорыстен, и по своему желанию репрезентирует политический субъект в целом. Кроме того, он имеет на это право, поскольку является лучшим среди себе подобных. Итак, привлечение к подготовке решений и их воплощению может быть мистификацией «лучшим среди равных простых людей». Но выявить эту мистификацию достаточно трудно. Но даже если она выявлена, то отсутствуют инструменты ее ограничения, поскольку такая репрезентация может иметь место. Тем самым привлечение становится формой подчинения тотальной субъективности, то есть только поверхностью.

Самоуправление. Править, значит стоять над делами, соответственно это означает быть вне конкретных дел, поскольку исполнение конкретного дела не позволяет увидеть его в целом. Не может продуктивно управлять тот, кто погружен в конкретное дело, поскольку как только оказывается вне его, то переступает границу своей компетентности. Позитивное значение самоуправления состоит в том, что оно позволяет усредненствовать среду существования. Как только самоуправление претендует на всеобщность, оно дискредитирует себя. При устройении реальности соучастие каждого является формой ограничения чрезмерности субъективности, которая корректируется всеобщими интересами. Только в этих границах самоуправление имеет целесообразность. Самоуправление ограничено непосредственным осуществлением субъекта, тем, что окружает его, и во что он непосредственно погружен. Сфера будущего оказывается ему неподвластной, только настоящее и его устроенность – сфера его влияния. Однако для конкретного субъекта устроенность имеет первостепенное значение.

Национальные интересы. Посредством осуществления интересов становится возможным существование политического субъекта. Особую сферу составляют национальные интересы, которые позволяют осуществиться политическому субъекту как целому. Поэтому национальные интересы имеют глобальный характер. Однако глобальность при этом не противоречит локальности, поскольку осуществление национальных интересов обусловлено интересами конкретного индивида, а устроенность в глобальном масштабе проецируется на локальный масштаб. Чем успешнее осуществляются национальные интересы, тем все больше возможностей открывается для индивида. Однако следует иметь в виду, что национальные интересы имеют тенденции перерастания в тотальное господство одного политического субъекта над другим. В этом случае осуществление интересов может приобретать характер агрессии от самой мягкой, такой как навязывание мнения, до самой жестокой, вплоть до уничтожения политического оппонента.

Итак, рассмотрение поверхностей демократии помогает понять, что провозглашение демократии как совокупности требований можно рассматривать только как грандиозную профанацию. В этом случае демократия выступает только в качестве аргумента в противостоянии политических субъектов, а требование «больше демократии» является средством экспансии. Совершенно очевидно, что ориентирование субъекта на поверхность является формой неполноценной социальной рефлексии. При демократии присутствует главенство субъективного как целого, и это означает, что предел определен пространством одного политического субъекта. В отношении между политическими субъектами демократия снимает себя, поскольку ее поверхность покрывает только каждого из них в отдельности. Нельзя рассматривать построение демократии как слияние поверхностей, поскольку это противоречит ее сущности. В свете выше сказанного высказывание: «Демократия должна быть построена» – несовместимо с истинностью. Строительство демократии может трактоваться только как строгая дизъюнкция, поскольку как власть народа может присутствовать или, наоборот, отсутствовать, третьего не дано. Напомним, что к проявлению власти может быть отнесено владение собственностью, правами, льготами и проч. Они есть у некоторого субъекта либо ими обладает кто-либо иной. Поэтому демократия не может быть построена: она либо есть, либо она отсутствует. Утверждение, что демократия строится, будет указывать на ее профанацию.

Источники и литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: Пер. с англ., / Под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
2. Зандкюлер Х.Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии. – 1999. – № 2. – С. 25-40.
3. Карбочинський О. Тоталітаризм і демократія як відображення внутрішнього конфлікту людини // Філософська і соціологічна думка. – 1994. – № 11-12. – С.103–108.
4. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М.: Правда, 1990. – 576 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 392 с.
6. Платон. Апология Сократа //Собрание сочинения: В 4 т. – М.: Мысль. – Т.1., 1990. – С. 70–96.
7. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004. – 384.

Деремедведь Е.Н.

«КРЫМСКИЕ» ТРАВЕЛОГИ АНГЛИЧАНОВ КОНЦА XVIII - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.в. В КОНТЕКСТЕ ЖАНРА ПУТЕШЕСТВИЯ

Актуальность темы исследования. Женская литература путешествий содержит значительное количество сохранившихся до настоящего времени исторических источников, в число которых входят путевые очерки, дневники, письма и т.д. В них отражаются особенности женского восприятия мира, так называемый женский опыт, который в свете современных гендерных исследований требует нового прочтения и интерпретации женских текстов.

Английская литература путешествия, в том числе и женская, остается малоизученным культурным пространством в отечественном литературоведении, в котором недостаточно конкретизированы состав-

ляющие жанра. Привлеченный литературный материал, ранее не вводимый в научный оборот, обогащает теорию жанра путешествий, а также жанровые аспекты.

Целью данной статьи является выявление жанрового своеобразия «крымских» *травелогов* (слово о странствиях) английских путешественниц, написанных в конце XVIII- первой четверти XIX столетий.

Научное и практическое значение данной работы заключается в том, что сделанные автором выводы и обобщения могут быть использованы для дальнейшего переосмысления определенных жанровых дефиниций и способа организации материала, а также могут способствовать введению в научный оборот источников, не переводившихся ранее на украинский и русский языки.

Англию принято считать родиной жанра путешествия. И если путешествия познавательного характера ведут свою родословную от Геродота и Страбона, то путешествия, как жанр художественной литературы, использующий приемы документального построения материала, подчас содержащий и важный фактографический материал, формируется в XVIII веке именно в Англии - стране, давшей миру классические образцы этого жанра.

Согласно литературному энциклопедическому словарю: «Путешествие - литературный жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников (журналов), очерков, мемуаров» [1, с. 314]. Литература путешествий, т.е. описание действительных, более или менее значительных, перемещений в реальном географическом пространстве, относится к документальной прозе, где сливается с большим количеством очерковых форм, плавно перетекая в область научной коммуникации.

В Англии литература путешествий достигает своего расцвета в XVIII веке, когда этот жанр приобрел классические черты. Из периферийной области описательного очерка-эссе жанр путешествия становится полноправной литературной формой. «Путешествия» стали той областью английской литературы, в которой дамы начали доминировать. По словам влиятельного журнала «Quarterly», англичанки намного чаще других иностранных дам становились «путешественницами и авторами путевых заметок», потому что они были «хорошо начитаны, имели твердые суждения... и были образованы с изяществом высших классов, обладая практическими знаниями самых низших слоев» [2, с.244].

В границах женской литературы путешествия существует яркий и насыщенный пласт – литература о Крыме, которая обладает специфическими качествами, связанными с особенностями проблематики и идейно-образной концепции. На наш взгляд, определенный интерес в плане исследования выбранной темы представляют травелоги английских путешественниц, созданные в конце XVIII - первой четверти XIX в.в., которые до настоящего времени не были введены в научный оборот.

Благодаря анализу путевых записей англичанок Э. Кравен [3], М. Гутри [4], М. Холдернесс [5], побывавших в Тавриде на рубеже веков, можно с уверенностью утверждать, что в указанный период между Крымом и Англией происходил интенсивный коммуникационный процесс, который послужил причиной многочисленных путешествий англичан на полуостров. Основываясь на материале «крымских» травелогов можно выявить их основное жанровое своеобразие в контексте литературы путешествия, а также представить женскую литературу путешествий в исторической ретроспективе, восполнив пробелы новыми материалами.

Сочинения авторов-женщин, изданные в Англии за длительный период, с конца XVIII до начала XX в.в. представляли яркие и наглядные сведения о Крыме в основном историко-этнографического характера. В жанровом отношении эти источники были весьма разнообразны: путевые записи, дневники, письма, отчеты о путешествиях и т.п.

В этих жанрах и жанровых разновидностях соединились научно-информативные и литературно-описательные элементы, способствовавшие созданию в английских источниках «имиджа» Крыма, его структуры и динамики, а также его эволюцию в социально-исторической и культурной жизни региона. Политематичность содержания и то обстоятельство, что в путешествии в центре внимания находятся наблюдения за самыми разными сферами жизни страны в целом, причем наблюдения как бы извне, сделанные сторонним обозревателем, определяют и формальные особенности жанра, а именно: достоверность, непосредственность изложения, определенную литературную обработку материала.

В «крымских» травелогах англичанок реализуются особенности, характерные для жанра путешествия. Эффект повествования прослеживается в четкой хронологической последовательности событий, очевидцем которых был автор (часто в форме писем или очерка). В путевых записях присутствует огромное количество деталей, относящихся к местному колориту (подробному описанию жизни и быта местных народов), а также, что немаловажно, мотив дороги - своеобразный каркас, на который нанизываются разнообразные сведения о чужой земле.

Подчиняясь законам жанра, английские путешественницы являлись одновременно и автором и свидетелем происходящих событий. Выступая в роли обобщенного героя, они становились типичным носителем черт своего времени и культурной среды, этико-эстетических норм и менталитета. По утверждению Г. А. Зябровой, в путевых записях «вступают в сложное взаимодействие наблюдения и впечатления писателя от поездки, его предшествующий опыт, сложившееся миропонимание. Все это и формирует целостную концепцию бытия, которая становится итогом напряженного художнического искания истины» [6].

Поддача фактического материала в «крымских» травелогах базируется на факторе противопоставления «своего» «чужому». Масштаб для оценки явлений «чужого» мира дает «свой» мир путешественника - его родина, образ которой играет немаловажную роль, а также обладает значением реального центра, даю-

щего возможность оценивать «чужой», незнакомый мир путешествия. Наблюдения путешественника разделяют людей на две диаметрально противоположные группы: мы и они. Сопоставление этих двух категорий – основной способ, с помощью которого англичанки компоновали свои труды о Крыме.

Женщины довольно осторожно подходили к оценке увиденного в незнакомой стране, даже если это шло вразрез с их понятиями о морали и этике. Так, например, Мария Гутри считала, что необходимо вдумчиво подходить ко всему новому и непонятному, прежде чем судить об этом со всей категоричностью. Описывая свои впечатления о посещении Крыма в 1796 году, путешественница осознавала важность собственной ответственности за то, что являлась своеобразным посредником между «своей» и «чужой» культурой. Она отмечала, что отрицание «чужого» мира многими путешественниками есть результат «их собственного невежества и лени, когда как приписываемое невежество в действительности кроется в них самих. Ибо нельзя судить поверхностно о том, в чем до конца не разобрался, из-за лени не потрудившись выяснить правду прежде, чем определить свое мнение и гордостью, а также с самонадеянностью своего превосходства» [4, 58].

Путешествуя по Крыму, английские путешественницы сопоставляли и сравнивали все, что видели, с английскими реалиями. Проезжая по крымским дорогам в 1786 году, леди Кравен неоднократно проводила пространственную параллель между Крымом с Англией. «Из Крыма весьма бы можно было сделать изрядный остров. Когда выедешь из Перекопа, то земля очень похожа на наши песчаные холмики, простирающиеся по берегу моря в Англии, а дерн такого здесь зеленого цвета, как самый яркий зеленый бархат» [3, с. 259], – отмечала путешественница.

Некоторые места по дороге в старинный Бахчисарай показались Марии Гутри очень похожими на английские пейзажи, а горы, встречавшиеся на ее пути, имели некоторую схожесть с «белыми утесами Альбиона».

Леди Кравен часто упоминала в своих письмах о том, что многие отговаривали ее от столь рискованной поездки, уверяя, что климат в Тавриде губителен для здоровья европейцев. Не осознавая этого, миледи показала, как происходил начальный процесс мифологизации, которому подвергся Крым по мере его включения в европейское пространство. Английская аристократка утверждала следующее: «Некоторым из моих знакомых я сообщила свое намерение ехать в Крым: иные из них говорили мне, будто там воздух не здоров, воды ядовиты, и ежели поеду, конечно, там умру. Но как в большом свете новоприобретенную землю и новые ее красоты всегда почти злословят, то я этого и не боюсь, и совсем иначе об сей стране думаю» [3, с. 219].

Огромные расстояния и трудности путешествия преодолевались путешественницами по вполне определенным причинам. Англичанок в Тавриду влекли три вещи: природа, древности и этнографическая экзотика. В их сознании Крым представлялся другим пространством, почти сакральным, в котором действовали иные силы и закономерности. Благодаря подобному восприятию, в травелогах английских путешественниц присутствуют поэтические описания пространства, которые способствовали формированию романтически окрашенного образа крымского полуострова.

В травелогах английских путешественниц содержатся разнообразные сведения по истории Крыма, этнографии и археологии, которые гармонично соседствуют с поэтическими очерками природы. Пейзаж в путешествиях англичанок приобретает яркую эмоциональную окраску. Природный ландшафт является фоном, на котором распределяется поток авторских впечатлений и размышлений. За счет своей идеологической нейтральности он служит наиболее эффективным инструментом «программирования» читательского восприятия.

Описания природы различны, однако, эмоциональное восприятие одинаковое: от удивления до восторга. Самое любование природой расценивалось как особое утонченное искусство, которым владеет по настоящему просвещенный человек [7, с. 95]. Строки, посвященные природно-климатическим особенностям Тавриды, полны выразительных художественных средств: эпитетов, метафор и сравнений, что способствует созданию романтического образа сказочной страны, населенной феями и эльфами.

Вместе с тем, в реалиях пространства Крыма Мария Гутри увидела две совершенно непохожие в ландшафтном отношении страны. В одном из своих писем она утверждала: «Самое удивительное то, что эти два района, разделенные по воле случая рекой Салгир, различаются по климату, почве и видам производства, словно две страны, находящиеся на приличном расстоянии друг от друга... Таким образом, эти два природных района должны обязательно рассматриваться отдельно друг от друга» [4, с. 54–55].

Мария Гутри вводит в текст лирическое описание крымского пейзажа. Она считала, что природа, например, Байдарской долины была достойна того, чтобы ее воспел сам Вергилием. Ее изображение, безусловно, представляло романтическое восприятие действительности. Обращаясь в своем письме к мужу, миссис Гутри с пафосом вопрошала: «Можете ли Вы перенестись со мной в божественную долину овальной формы длиной около 20 миль и окруженную высокими горами, покрытыми прекрасными лесами, где разнообразные виды дикорастущих фруктов чередуются с благоухающими цветущими кустарниками, украшенными зелеными холмами, которые отрезали все пути сообщения с порочным миром?» [4, с. 117].

Нарочитая эмоциональность изложения, предельная яркость красок позволяет добиться максимального эффекта: пробудить в читателях чувство эстетического наслаждения и восхищения первозданной природой полуострова. Согласно романтической традиции, англичанка создала идеализированный образ этого живописного уголка, волей природы отрезанного горами от остальной части Тавриды. Байдарская долина ассоциировалась в ее сознании с чем-то вроде пастушеской Аркадии.

Но пейзаж не существует в отрыве от действительности, на его фоне всегда найдется место для зарисовок из жизни местных народов. По мнению М. Гутри, на лоне такой божественной природы могли жить только «действительно пасторальные татары», мирно возделавшие свои поля и пасшие скот.

Ту же мысль выразила и Э. Кравен. Описывая Байдарскую долину, она отмечала: «Местоположение ее великолепно, пленительно и достойно, чтобы трудолюбивый народ наслаждался на ней прелестями покоем. Некоторые по разным местам рассеянные татарские деревеньки уменьшают дикий ее вид» [3, с. 307].

Не забывая о жанре, в котором написаны произведения, английские путешественницы неизменно вводили в свое повествование образ дороги, который представлял собой «каркас, на который нанизываются разнообразные сведения о чужих мирах» [8, с. 64]. Они ярко и наглядно описывали дорогу, которая бежала по голой степи, спускалась в живописные долины, пересекала реки, поднималась высоко в небо по склонам седых гор и вилась по глубоким ущельям и каньонам. Образ дороги, который проходит через все повествование, композиционно скрепляет «путешествие», придавая отдельным очеркам завершенность и внутреннее единство. Сюжетный мотив путешествия позволяет расширить границы повествования, насытить его разнообразными жизненными фактами.

Мотив дороги помогает следить за разворачиванием хронотопа в «путешествиях». Как нельзя лучше факт разворачивания путешествия в пространственно-временной параллели иллюстрирует высказывание П. Сумарокова, который в этой связи писал: «Совершение пути, подобно течению нашей жизни - проеханное расстояние означает прошедшее; та сажень земли, на которую вступил, есть настоящее, а предмет, закрытый отдаленными горами и лесом, обещает будущее» [9, с. 17].

Расширяя временные границы, путешественницы переносили своих читателей на тысячи лет назад, высвечивая наиболее яркие и драматические эпизоды из истории Крыма и его народов. Объективно-описательный пласт повествования включает в себя изображение исторических реалий полуострова, а соединение в повествовательной ткани очерково-этнографической и художественно-романтической линий изображения позволяет с эпической масштабностью воссоздать исторические судьбы местных народов Крыма, показать самобытность их культуры.

«Крымским» травелогам присуща проблемно-тематическая многогранность. Однако в многоаспектном повествовании в качестве ведущей выделяется проблема древнего наследия Крыма. Все путешествие англичанок построено на акцентировании внимания читателя на контрасте между прошлым величием полуострова и его незначительностью и запустением в настоящем. В изображении древних городов прослеживаются одни и те же реалии: «знала лучшие времена», «былое величие», «некогда цветущий город», «масса руин». Здесь на лицо идеализация античности, типичная для представителей романтизма, и отображение неприглядной на тот период реальной действительности.

На страницах своих произведений англичанки непременно затрагивали проблему сохранения великого античного наследия Крыма, которое, по их мнению, принадлежало всему человечеству. Они с возмущением отмечали факты варварского отношения к хрупким памятникам древности, которые уничтожались не только неумолимым временем, но и безжалостной рукой человека.

Будучи в Керчи, Мария Гутри писала о том, что предметы, которые были достойны того, чтобы выставляться в лучших музеях мира, использовались совершенно не по назначению. Она отмечала: «Древняя мраморная статуя греческой работы, которую также выкопали в Керчи, вместе с большой чашей из прекрасного мрамора сейчас служит своеобразным резервуаром, из которого поют лошадей» [4, с. 172].

Ту же картину запустения путешественница наблюдала и в других некогда процветавших крымских городах. «Ничто не может способствовать разрушению любого древнего города как постройка нового по соседству, и это во многом относится к греческому Херсонесу. Большинство руин античных зданий, которые видели здесь за последние двадцать пять лет те люди, с которыми я говорила, были уничтожены к величайшему сожалению любознательных путешественников с тех пор, как русские основали Севастополь...» [4, с. 96] – писала миссис Гутри.

За неимением собственных изысканий авторами заимствовались многие сведения по истории и древностям края. В путевых записях англичанок присутствуют выдержки из книг древних и современных авторов: Страбона, Геродота, П. С. Палласа, Э. Кларка и других.

Авторские комментарии сопровождают все повествование. Изучая окружающее пространство, англичанки делают предметом изображения процесс исследования действительности, т.е. само путешествие. Это соответствовало содержанию «крымских» травелогов, подчинявшихся определенной художественно-публицистической направленности, а именно: представить на суд читателя облик крымского полуострова его народов.

Путешественницы прослеживают изменения этноисторического пространства Крыма, отмечая плавный переход от мира восточного к миру европейскому. Сочетание двух совершенно несхожих цивилизаций создает в их путевых записях неповторимый колорит.

Восток был излюбленной темой для представителей романтического направления в литературе. В связи с экспансией Британии на Восток эта тематика была востребована английской общественностью, и стала одной из основных характеристик английской литературы.

Как правило, англичанки при изображении Крыма придерживались романтической традиции, существовавшей в литературном каноне. Баснословная роскошь Востока, гаремная экзотика, базар и кофейни – тематика, которую не мог избежать ни один путешественник по восточному миру, и освещение которой ожидалось европейским читателем. Однако в силу геополитической уникальности полуострова в травелогах английских путешественниц нередко наблюдались отклонения от общепринятой нормы в условности изображения Востока. Так, тротуары, мостовые и широкие ровные улицы строившихся новых европейских городов Крыма шли вразрез с представлениями романтиков о восточных реалиях, где присутствовали узкие, грязные, запутанные в клубок лабиринты восточных городков.

Путешествующие дамы представили своим соотечественникам яркие и живые этнографические картины из жизни местных народов, их быт и обычаи, культуру и религию. Каждая из них стремилась сама окутаться в восточную экзотику, чтобы лично познакомиться с чужими обычаями и традициями.

Леди Кравен побывала в мусульманской мечети в Карасубазаре и была неприятно поражена неистовой набожностью верующих. Англичанка считала это «глупым суеверием и притворным благочестием». С религией крымских татар были связаны многие традиции и обычаи этого народа, описание которых не замедлило появиться на страницах травелогах других путешественниц.

Миссис Гутри особенно заинтересовалась процессом похорон. Первое, что удивило англичанку, это скорость, с которой двигалась похоронная процессия. Ей даже показалось, что, таким образом, родственники пытались как можно быстрее покончить с этим делом и избавиться от покойника. Она писала: «Если жители этого полуострова ходят по улице с азиатской величавостью и неторопливостью, то мертвых, наоборот мчат к могиле в таком темпе, что, несомненно, обогнали бы нашу лондонскую почтовую карету ... Мы были поражены, узнав, что это были ближайшие родственники покойного, которые торопились отправить того в долгий путь, как бы опасаясь, что он сможет воскреснуть» [4, с. 219].

Она разъяснила, что у мусульман есть обычай – каждый правоверный должен быть похоронен через 12 часов после своей смерти, что объясняло ту кощунственную, по мнению европейцев, поспешность, с которой крымские татары хоронили своих умерших.

Особенно красочно английские путешественницы изображали на страницах своих травелогах национальную кухню, танцы и одежду крымских татар. Мери Холдернесс, прожившая в Крыму четыре года с 1816 по 1820 годы отмечала: «Одежда знатного татарина пошита из ткани, украшенной золотым или серебряным шнуром, а в летнюю жару – из турецкого шелка ... зимой его пальто оторочено мехом. Он одевает подходящие до шиколотки, плотно облегающие, штаны из какой-то яркой цветной материи, часто голубого цвета. Он носит домашние и уличные мягкие туфли, но не носит чулки. Обычно у него большая высокая шапка из широкого полотна (что отличает его от крестьянина) и цветастая льняная рубаха» [5, с. 220].

Одеяние татарки показалось англичанке более нарядным и диковинным. «Одежда женщин состоит из пары шаровар, собранных на шиколотках, и свободно ни спадающих до пят, сорочки и стеганого платья из турецкого шелка либо из хлопка, или же из золотой или серебряной парчи, что зависит от социального положения и материального состояния. Девушки носят красную шапочку, украшенную по краям золотой бахромой или (как принято среди крестьянок) золотыми монетами, из которых они делают также ожерелья» [5, с. 221].

Изображая экзотику Крыма, англичанки не забывали предоставить своему читателю более практичную информацию: о климате, почвах, местонахождении памятников древности. «Насыщая картины «резвым реализмом» действительных обстоятельств, автор создает картину, впечатляющую глубокой жизненной достоверностью» [6, с. 57].

По мере накопления информации о Крыме, травелоги путешественниц стали отличаться точностью и правдивостью изображения. На самом первом этапе знакомства с полуостровом имел место домысел, когда за неизменность достоверной информации, англичанки становились на путь вымысла и мифотворчества, не заботясь о правдивости своего материала. Это было не удивительно, ведь когда речь шла о Крыме, было «крайне трудно отличить истину от лжи» ввиду обилия публикуемых о нем сведений [11, с. 55].

Так, леди Кравен, одной из первых побывавшей на полуострове, писала о качестве местной воды. Помня насчет предостережений о непригодности крымской воды, английская путешественница, по ее словам, пила воду и «везде находила ее прекрасною».

Через десять лет после путешествия леди Кравен в 1796 году миссис Гутри с некоторой долей насмешки вспоминала это утверждение аристократки. Вот что писала по этому поводу сама миссис Гутри: «Мы не можем всегда надеяться на счастливую удачу леди Кравен, чтобы останавливаться точно в тех местах, где вода не содержала бы этот неприятный осадок или там, где он был бы смыт дождем или горными потоками, и осталась бы только чистая превосходная вода, о которой она говорила. Та же вода, которую мы пробовали на протяжении всего нашего пути, была пригодна только для татарского или какого-либо вкуса, привычного к солоноватой воде» [4, с. 61–62]. В своей книге Мария Гутри опровергала еще одно ошибочное утверждение Элизабет Кравен о том, что в Крыму повсеместно выращивали рис.

В ходе анализа путевых записей прослеживается тот факт, что женщины-авторы стремились описывать события своего путешествия как можно достовернее, и в то же время сделать свой рассказ понятным и увлекательным для читателя. Ценность таких сочинений определялась конкретностью и наглядностью изображения.

Определяющим свойством крымских «путешествий» является их документальность, которая составляет неотъемлемое качество жанра путешествия и приобретает значение типизирующего фактора. В травелогах представлены реальные исторические и социально-бытовые обстоятельства, подкрепленные «статистическими и экономическими выкладками, цифровыми расчетами, географическими данными» [12, с. 8]. Сведения, представленные в большинстве произведений, написанных англичанками, в своей совокупности позволяли узнавать довольно точную географическую карту полуострова, крупные населенные пункты, численность населения и основные статьи доходов экономики. Другими словами, документализация повествования «становится важнейшим средством обобщения» [6, с. 61].

Таким образом, «крымские» травелоги английских путешественниц не были простой копией действительности, присутствовавшей на полуострове, в них запечатлен «эстетический эквивалент реального бытия, созданный на основе кропотливого отбора художником наиболее выразительных жизненных факторов и освещенный его нравственной личностью» [6, с. 57].

Основываясь на сравнительном анализе текстов «путешествий» англичанок, можно выявить следующие общие черты:

1. Жанровая полисемия, заложенная в самой природе литературы путешествия
2. Взаимодействие документально-публицистических и художественно-беллетристических начал в воспроизведении действительности
3. Осложнение образа повествователя национальными чертами и литературными признаками
4. Присутствие образа дороги как главной сюжетобразующей линии
5. Многочисленные поэтические очерки и заимствования

В заключении можно сделать **вывод** о том, что «крымские» травелоги англичанок, которые принадлежали к околелитературным кругам, представляли собой классические образцы литературы путешествий. В них гармонично сочетались элементы художественности и документальности. Диапазон их восприятия был невообразимо широк: от пристального внимания к рукотворному миру, с его городами, торговлей и ремеслами, до идеализации природных ландшафтов, от объективного, полного достоверных фактов репортажа до субъективной картины мира.

Источники и литература

1. Литературный энциклопедический словарь/под редакцией В. Кожевникова, П. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
2. Rigby Elisabeth, Lady Traveller.: Quarterly Review, 1845
3. Кравен Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году. – Москва, 1795.
4. Guthrie, Maria, A Tour performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the Peace of Kainardgi and Jassy, London: T. Cadell, Jun, and W. Davis, 1802
5. Holderness, Mary, New Russia: Journey from Riga to the Crimea by way of Kiev: with some account of the colonization and the manners and customs of the colonists of New Russia: To which are added Notes Relating to the Crim Tatars. – London, 1823.
6. Зябрева Г. А. Русский очерк рубежа XIX-XX столетий: жанровое своеобразие, пути развития // Вопросы русской литературы. – Вып. 9 (66). – 2003. – С. 53 – 79.
7. Кочеткова Н.Д. Герой русского сентиментализма. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма XVIII века, Сб. 15. – Л., 1986
8. Ищенко Н. А. Крымская война 1853-1856 годов. Очерки истории и культуры. – Симферополь. Крымский архив, 2002. – 128 с.
9. Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. – Ч. 1. - СПб, 1803. – 226 с.
10. Kingsley Mary H. Travels in West Africa, Congo francais, Corisco, and Cameroons. – Boston.: Beakon, 1982
11. Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553-1815. – L., 1958
12. Куприяновский П. В. Проблемы изучения художественно-документальной литературы // О художественно-документальной литературе. Сб. 1/под ред. П. В.Куприяновского. – Иваново, 1972.

Кононенко Т.В.

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ П.И.ПЕСТЕЛЯ

Одним из идеологов декабризма является Павел Иванович Пестель, лидер Южного общества, автор «Русской Правды». С именем П.И.Пестеля связана вся история декабристских организаций. И.Д.Якушкин, один из активных членов декабристского движения, вспоминает: «Пестель всегда говорил умно и упорно защищал свое мнение, в истину которого он всегда верил, как обыкновенно верят в математическую истину; он никогда и ничем не увлекался. Может быть, в этом-то и заключалась причина, почему из всех нас он один в течение почти 10 лет, не ослабевая ни на одну минуту, усердно трудился над делом Тайного общества. Один раз доказав себе, что Тайное общество верный способ для достижения желаемой цели, он с ним слил свое существование»[1, с. 23]. Среди лидеров декабризма П.И. Пестель выступает как наиболее цельный и последовательный политик. Он – теоретик, идеолог декабристского движения, для которого приоритетом является разработка программных документов, комплекса первых реформ.

Цель статьи – представить и классифицировать идейные истоки мировоззрения П.И. Пестеля, определить степень их влияния на текст «Русской Правды».

Актуальность статьи обусловлена, в первую очередь, интересом к отечественной истории, к отечественной общественной мысли. Научно-практическое значение проблемы декабристского движения видится нам в изучении опыта борьбы идеологов декабризма и их идей. В конечном итоге эта проблематика трансформируется в одну из дискуссионных проблем – о роли личности в истории.

К сожалению, современные исследователи, в том числе и украинские, не проявляют должного интереса к истории декабристского движения. Мы вынуждены констатировать факт отсутствия современных значимых публикаций по проблеме декабризма. Наша статья – это попытка изменить ситуацию, вернуть в сферу активного обсуждения проблематику декабристского движения, в частности, Южного общества. Среди последних исследований, опосредованно связанных с нашей проблематикой, мы выделяем работы Г.В.Гребенькова (методика исследования: аксиологический подход), В.П.Заблудского (современный ли-